

В. Вошинин

**Переселенческий вопрос в Государственной
Думе III созыва**

итоги и перспективы

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Воцинин**
Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва: итоги и перспективы / В. Воцинин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 152 с.

ISBN 978-5-458-10321-3

Одним из наиболее серьезных, но и интереснейших вопросов, выдвинутых за последнее время русской государственной жизнью, является, несомненно, вопрос переселенческий. Ярок он прежде всего своей национальной самобытностью. Русское переселение не укладывается в рамки западноевропейских представлений о колонизации.

ISBN 978-5-458-10321-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г Л А В А I.

Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ, но и интереснѣйшихъ вопросовъ, выдвинутыхъ за послѣднее время русскою государственною жизнью, является, несомнѣнно, вопросъ переселенческой.

Ярокъ онъ прежде всего своею національной самобытностью. Русское переселеніе не укладывается въ рамки западно-европейскихъ представленій о колонизаціи, предполагающей достиженіе государствомъ опредѣленныхъ цѣлей преимущественно за предѣлами метрополіи,—онъ и шире и уже этого понятія, такъ какъ наряду съ стихійнымъ и не зависящимъ отъ воли правительства передвиженіемъ населенія на пустующія пространства той же Имперіи, имъ обнимаются нынѣ, при заселеніи приграничныхъ мѣстностей, и задачи политическія. «Колонизаціонное переселеніе» или «внутренняя колонизація»¹⁾—такъ теперь можетъ быть охарактеризовано явленіе, ежегодно приводящее къ сокращенію количества населенія центральной Россіи на сотни тысячъ человѣкъ, и перебрасывающее эти массы за Уралъ и въ южныя степи.

Переселеніе въ Россіи—это продуктъ вѣкового сплетенія многоразличныхъ политическихъ, экономическихъ и другихъ условій нашего общественнаго уклада,—это, въ итогѣ, тотъ непреложный фактъ нашей народной жизни, который объясняется нѣкоторыми изслѣдователями даже свойственными натурѣ русскаго человѣка бродячимъ инстинктами. Во всякомъ случаѣ, однако, съ означеннымъ фактомъ необходимо было считаться всегда, и въ направленіи переселенія по

¹⁾ Innere Kolonisation—въ Пруссіи.

опредѣленному руслу, въ соотвѣтствіи съ текущимъ соотношеніемъ воспроизводящихъ его силъ, точно такъ же всегда должна была состоять забота Русскаго правительства.

Но къ сожалѣнію послѣднее, если и учитывало при отдѣльныхъ вспыскахъ переселенческаго движенія нѣкоторыя обстоятельства, то во всякомъ случаѣ крайне односторонне, и поэтому всѣ правительственныя мѣропріятія по отношенію къ переселенію на протяженіи по крайней мѣрѣ XIX столѣтія грѣшатъ кореннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ ихъ планомѣрности.

Сибирь, это «золотое дно» современнаго и постоянная надежда прежняго переселенія, разсматривалась въ дореформенное время преимущественно какъ мѣсто ссылки, мѣсто ненужныхъ и вредныхъ отбросовъ изъ Европейской Россіи. Ни о какомъ сколько-нибудь организованномъ туда переселеніи не могло быть и рѣчи, если же отдѣльные случаи выселенія крестьянъ «въ Сибирь» и имѣли мѣсто, то опять таки въ цѣляхъ избавленія центра отъ нежелательной человѣческой накипи. Лишь въ 40-хъ годахъ минувшаго вѣка, въ связи съ произведеннымъ нѣсколько ранѣе «Сибирскимъ межеваніемъ» было признано необходимымъ средствами казны выселить значительное количество государственныхъ крестьянъ частью изъ однѣхъ европейскихъ губерній въ другія—частью же на Кавказъ и двѣ ближайшія губерніи за Ураломъ. По 1866 годъ, при извѣстныхъ льготахъ, было такимъ образомъ выведено изъ мѣстъ прежняго жительства до 320.000 душъ, и 19 тысячъ изъ нихъ составили кадръ такъ называемаго нынѣ «старожилаго» населенія губерній Тобольской и Томской.

Рядомъ съ этимъ казеннымъ выселеніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ урегулированіемъ проявленія народнаго стремленія, и недоступнымъ, конечно, для частно-владѣльческихъ крестьянъ, шло, однако, и движеніе самовольное. Положеніе 19 февраля 1861 года вовсе не упоминаетъ о переселеніи, какъ о возможности для всѣхъ и cadaго устроиться на свободныхъ казенныхъ земляхъ, и только нѣкоторымъ категориямъ сельскихъ обывателей даны были извѣстныя льготы въ этомъ отношеніи. Общее же умол-

чаніе, по свидѣтельству Ө. Г. Тернера, вытекало, главнымъ образомъ, изъ «неблагопріятнаго для переселенческаго движенія настроенія общественнаго мнѣнія», опасавшагося «что крестьяне, получивъ свободу, массами станутъ бродить по всей Россіи», и что «при значительномъ развитіи переселенія трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы потеряютъ и съемщиковъ на землю и такимъ образомъ лишатся единственной оставшейся въ ихъ рукахъ вѣрной статьи дохода». Опасенія эти имѣли основанія: по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ ежегодный размѣръ нелегальнаго переселенія въ Сибирь и другія мѣстности опредѣлился приблизительно въ 40 тысячъ человѣкъ¹⁾, и это обстоятельство впервые заставило правительство задуматься надъ устройствомъ все прибывающаго въ пустынные раіоны населенія и надъ вопросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли такъ или иначе реагировать на очевидные факты массовыхъ самовольныхъ выселеній.

На характеръ предпринятыхъ по этому поводу мѣръ вышеупомянутое «общественное мнѣніе», конечно повліяло. Въ 1881 году министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ было предоставлено разрѣшать, впредь до изданія общаго закона о переселеніи, отдѣльныя ходатайства о таковомъ и лицамъ, «не имѣющимъ права переселяться», съ соответствующимъ переводомъ всякихъ недоимокъ и платежей, а самый законъ изданъ былъ въ 1889 году, причемъ основными положеніями этого закона переселеніе ставилось въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія обоихъ вышеуказанныхъ министровъ, — въ отношеніи же самовольцевъ устанавливалось принудительное возвращеніе ихъ въ мѣста приписки.

Какъ видно изъ изложеннаго, вся законодательная политика прежнихъ временъ была въ значительной мѣрѣ проникнута духомъ опасенія передъ развитіемъ переселенія. Послѣднее казалось нежелательнымъ какъ въ интересахъ фиска, такъ и крупныхъ земледѣльческихъ круговъ, — съ нимъ въ концѣ концовъ мирились,

¹⁾ Данныя по А. А. Кауфману: „Переселенія“ — энци. слов. т. XXIII.

какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, но во всякомъ случаѣ «стихійному движенію русскаго народа на востокъ» не придавалось никакого колонизаціоннаго значенія.

Между тѣмъ, количественные его результаты были весьма значительны. По оффициальнымъ даннымъ ¹⁾, со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости до 1885 года прошло только за Уралъ около 300.000 переселенцевъ. Послѣ 1887 года это движеніе усиливается: въ одномъ лишь 1892 году мы имѣемъ уже крупную цифру въ 92.146 человекъ направившихся въ Сибирь переселенцевъ, итоги же вообще двадцатилѣтія (по 1905 годъ) дадутъ полтора милліона переселившихся, т. е. по 75 тысячъ человекъ ежегоднаго передвиженія въ среднемъ.

Политика «опасенія», продолжавшаяся съ различными вариантами вплоть до начала двадцатаго вѣка, ближайшимъ образомъ, конечно, отражалась на качественной постановкѣ дѣла. Достаточно сказать, что въ восьмидесятихъ годахъ на его веденіе отпускалось всего лишь по 20.000 руб. въ годъ, условія передвиженія были болѣе чѣмъ не благоприятны, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было приспособленій для оказанія продовольственной и врачебно-санитарной помощи въ пути, а на новоселья переселенцевъ встрѣчала прежде всего недостаточность заготовленнаго фонда, такъ какъ наплывъ желающихъ получить землю постоянно опережалъ работы по образованію участковъ; возникшіе отсюда беспорядки и недоразумѣнія заставили правительство въ 1891 году вовсе пріостановить переселеніе въ западную Сибирь, но вопреки всему оно все-таки продолжалось, и бѣдствія новоселовъ пріобрѣли въ результатѣ настолько отчаянный характеръ, что на помощь имъ вынуждены были придти общественныя организаціи и частныя лица.

Начавшаяся съ 1892 г. постройка Сибирской желѣзной дороги нагляднымъ образомъ показала всю неосновательность, и, болѣе того—близорукость, политики послѣднихъ лѣтъ въ отношеніи переселенія, прежде всего въ Сибирь. Впервые тогда выдвинутъ былъ во-

¹⁾ См. „Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 г.г.“ изд. Пересел. Упр. 1911 г., стр. 2.

прось о возможномъ «будущемъ» этого заброшеннаго доселѣ края, о необходимости его заселенія, и въ соотвѣтствіи съ симъ тогда же были учреждены особыя «временныя партіи» для приведенія въ извѣстность свободныхъ и годныхъ для заселенія земель и для отвода ихъ переселенцамъ, а также, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, значительно увеличены кредиты на переселенческое дѣло, давши возможность нѣсколько упорядочить отдѣльныя его стороны; упрощенъ порядокъ полученія разрѣшеній на переселеніе, и, наконецъ, учреждено особое Переселенческое Управление ¹⁾— т. е. официально уже за переселеніемъ признано явленіе достаточной государственной важности.

Въ 1896 году, въ результатъ ряда предпринятыхъ мѣръ, оказалось возможнымъ возобновить выдачу разрѣшеній на переселеніе въ Сибирь (безъ этихъ разрѣшеній въ четырехлѣтній періодъ запрещенія «самовольно» переселилось всетаки около 350.000 душъ), и снова въ самомъ непродолжительномъ времени обнаружались прежніе недочеты переселенческаго дѣла по существу: отставаніе заготовки участковъ по сравненію съ предъявляемымъ на нихъ спросомъ, недостаточность правительственной помощи при заселеніи, и вытекающее отсюда полнѣйшее неустройство новоселовъ.

Такъ обстояло дѣло съ Сибирью, откуда обратно въ Россію ежегодно бѣжали уже десятки тысячъ окончательно разоренныхъ пионеровъ азіатской культуры; не лучше шло оно и на Кавказѣ, а также въ степныхъ областяхъ, — въ Туркестанѣ. Здѣсь, помимо вышеупомянутыхъ общихъ, сказались еще и частныя, специфическіе недостатки практиковавшейся «системы». Какъ выяснилось въ непродолжительномъ времени, въ однѣхъ изъ указанныхъ мѣстностей свободныхъ земель вовсе не имѣлось, либо на эти «свободныя» земли предъявлялись частныя права, и туземное населеніе «въ колья» принимало новоселовъ, — въ другихъ свободныя пространства нужно было предварительно обводнить, чтобы сдѣлать ихъ годными для заселенія, затѣмъ выдѣлать извѣстныя части мѣстнымъ жителямъ — кочевымъ или осѣдымъ, а вездѣ вообще условія мѣстной

¹⁾ Въ 1897 году.

жизни и сельско-хозяйственной культуры оказывались столь своеобразными и трудными для непривычныхъ къ нимъ, что выходцы изъ Курской либо Тамбовской губерніи начинали чувствовать себя тамъ лишними, собирали пожитки и уходили обратно, а въ худшемъ случаѣ гибли въ непосильной борьбѣ за существованіе, тогда какъ наиболѣе цѣнныя угодья, требующія для ихъ использованія лишь навыка и туземной приспособленности, успѣшно заселялись иностранцами.

Въ 1905 году переселеніе въ Кавказъ и въ Туркестанъ было правительствомъ закрыто.

Чему могъ научить столь печальный опытъ? Какой же политики въ дѣлѣ переселенія слѣдовало правительству держаться, если прежняя «система неодобренныхъ разрѣшеній» привела къ слишкомъ очевиднымъ послѣдствіямъ?

Въ оффиціальномъ документѣ изданія 1910 года ¹⁾ сообщается, что правительство издавна искало и не находило положительныхъ указаній на то, какъ же слѣдуетъ наладить переселеніе; искало такихъ указаній и въ общественномъ мнѣніи отъ выборныхъ и мѣстныхъ людей, и даже «первый вопросъ русской жизни, предложенный на обсужденіе «свѣдущихъ людей» еще въ 1881 году, былъ именно переселенческій».

Но мы знаемъ изъ вышесказаннаго, что какъ разъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и былъ изданъ законъ о необходимости для переселенія получить разрѣшеніе двухъ министровъ. Неужели же онъ явился результатомъ указаній не только «мнѣнія общественнаго», въ чемъ мы убѣдились, ²⁾ но и выборныхъ лицъ отъ населенія?

Какъ свидѣтельствуемъ исторія, совѣщаніе свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу дѣйствительно имѣло мѣсто въ 1881 году, и этимъ совѣщаніемъ былъ высказано рядъ пожеланій: государство должно считаться съ фактомъ переселенія, создаваемымъ жизнью, не пытаться подчинить его какимъ-либо нормамъ и своей опека; въ силу этого должно быть при-

¹⁾ „Записка Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Сибирь и Поволжье въ 1910 году“. Приложение къ всеподданнѣйшему отчету.

²⁾ Стр. 5.

знаю право каждаго на переселеніе, съ такими лишь ограниченіями, которыя не препятствовали бы правильному и свободному теченію жизни; переселеніе должно быть двухъ видовъ: съ содѣйствіемъ правительства, вызываемое необходимостью заселенія окраинъ или крайнемъ малоземеліемъ и избыткомъ рабочихъ рукъ, и безъ такого содѣйствія, — свободное для всѣхъ, причемъ для переселенцевъ перваго рода слѣдуетъ отводить надѣлы въ ближайшихъ мѣстностяхъ, а для втораго рода, въ болѣе отдаленныхъ; завѣдываніе переселеніемъ крестьянъ въ мѣстахъ выхода слѣдуетъ возложить на земства, въ мѣстахъ водворенія на присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и въ пути — на переселенческія конторы.

Но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой не согласился съ означенными заключеніями, и по его настоянію дальшѣйшее переселеніе было подчинено исключительно административной регламентаціи, съ допущеніемъ къ переселенію только «при наличности заслуживающихъ уваженій причинъ» (зак. 1889 г.).

Этимъ краткимъ отступленіемъ мы имѣли въ виду лишь выяснить, что и ранѣе, при первоначальной постановкѣ на очередь переселенческаго вопроса, не было недостатка въ вполнѣ исчерпывающихъ существо дѣла указаніяхъ на желательное его будущее, и что во всякомъ случаѣ не «свѣдущіе люди» 1881 года оказались виноватыми въ дальнѣйшихъ неурядицахъ.

* Кромѣ того, въ тѣхъ же восьмидесятихъ годахъ рядъ ученыхъ и литераторовъ (кн. Васильчиковъ, Южаковъ, Тернеръ и другіе) доказывали неосновательность принятаго правительствомъ въ отношеніи переселенія курса опасенія и недоброжелательства, но было внято, какъ сказано, лишь «общественному» мнѣнію, и переселеніе по прежнему продолжало оставаться «подъ подозрѣніемъ». Правда, всѣ эти указанія могли въ свое время представляться слишкомъ отвлеченными, далекими отъ жизни и истинныхъ государственныхъ потребностей, но затѣмъ, послѣ долголѣтняго опыта, послѣ краха переселенческаго дѣла въ Сибири, Туркестанѣ и на Кавказѣ, естественно было ожидать, что при изданіи новаго закона будутъ приняты въ сооб-

раженіе и «теоріи»,—кстати сказать, вполне оправдавшіяся на дѣлѣ.

Такъ, дѣйствительность громко требовала, прежде всего, исключенія изъ обихода русской государственности понятія едва-ли не преступнаго «самовольнаго» переселенія. Жизнь показала, что, несмотря ни на какія запрещенія, массы людей все-же идутъ искать земли и хлѣба въ безвѣстные края, съ достойнымъ лучшей участи упорствомъ. Значитъ, этимъ людямъ необходимо дать свободную казенную землю. а такъ какъ «стихійно движутся» обыкновенно лишь наиболѣе нуждающіеся, т. е. наиболѣе слабые элементы, то, очевидно, подобному виду переселенія слѣдуетъ присвоить поощрительный характеръ лишь постольку, поскольку это вызывается главнѣйшими нуждами самихъ выселяющихся, и отнюдь, конечно, не рассчитывать на нихъ, какъ на колонизаторовъ.

Это какъ разъ тотъ первый видъ переселенія, который намѣчался еще совѣщаніемъ 1881 года, и по отношенію къ которому умѣстны нѣкоторыя ограничительныя мѣры лишь въ случаѣ недостатка надлежаще подготовленныхъ для заселенія земель.

Второй видъ выдвинутаго повидимому той же жизнью переселенія—колонизаціонный—для мѣстностей, заселеніе которыхъ русскимъ элементомъ признается государственно—необходимымъ (окраины). Здѣсь, по указаніямъ опыта, требовались, во-первыхъ, соотвѣтствующій подборъ сильныхъ переселенцевъ въ мѣстахъ выхода, а во-вторыхъ, на ряду съ строгой планомѣрностью всего дѣла, оказаніе выселяющимся широкой матеріальной и иной поддержки—особенно въ первое время ихъ устройства на новыхъ мѣстахъ. Опять-таки мѣры, предуказанныя совѣщаніемъ свѣдущихъ людей еще въ 1881 году.

Этими общими и простыми чертами опредѣлялось желательное будущее переселенія въ его главныхъ основаніяхъ съ точки зрѣнія выдвинутыхъ жизнью потребностей, но и независимо отъ сего необходимо было немедленно же приступить къ упорядоченію отдѣльныхъ сторонъ дѣла, что прекрасно начало сознавать, между прочимъ, и само правительство.

Въ началѣ девятисотыхъ годовъ, послѣ аграрныхъ

безпорядковъ, было приступлено, поэтому, къ выработкѣ новаго закона о переселеніи, получившаго затѣмъ силу 6 іюня 1904 года и дѣйствующаго понынѣ.

Основное отличіе новаго закона отъ всѣхъ прежнихъ постановленій заключается въ томъ, что разрѣшенія на переселеніе вообще имъ уже не требуется. Всякій, поэтому, воленъ переселяться въ любую мѣстность Имперіи совершенно свободно, но только безъ всякаго участія и помощи со стороны государства. Иное дѣло—переселеніе «съ содѣйствіемъ правительства»: здѣсь послѣднее прежде всего, обезпечиваетъ переселенцу полученіе имъ земельного надѣла, даетъ всевозможныя льготы, «содѣйствуетъ» въ пути, обѣщаетъ помочь при водвореніи,—словомъ, беретъ на себя его регулированіе въ цѣломъ. Но для того, чтобы данное лицо могло воспользоваться благами второго вида переселенія, ему прежде всего необходимо: либо имѣть несчастье проживать въ особо неблагоприятной по хозяйственнымъ условіямъ обстановкѣ, либо - выразить желаніе переселиться именно въ мѣстности, «заселеніе коихъ вызывается видами правительства» ¹⁾. Наличности, однако, одного изъ этихъ обстоятельствъ, или счастливаго совпаденія ихъ, все-же еще недостаточно для того, чтобы двинуться на новыя мѣста: нужно еще 1) получить разрѣшеніе на переселеніе отъ уѣзднаго съѣзда, и 2) послать ходока для выбора и зачисленія земельного участка. Ходокъ безъ разрѣшенія и разрѣшеніе безъ ходока—недѣйствительны.

Такова система новаго закона, требующая, несомнѣнно, для ея усвоенія глубокой вдумчивости. Съ одной стороны—переселеніе «свободно»—съ другой ограничено болѣе, чѣмъ когда-либо. По правиламъ 1896 года всякій желающій безъ разрѣшенія могъ посылать въ Сибирь ходока, и ходачество было единственнымъ условіемъ дальнѣйшихъ переселенческихъ дѣйствій,—новый законъ обуславливаетъ посылку хо-

¹⁾ Опредѣленіе „неблагопріятности“ и „видовъ правительства“ зависигъ отъ соглашенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, и Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, а также Военнаго Министра въ отношеніи мѣстностей, находящихся въ его вѣдѣніи (прав., ст. 2).

дока предварительнымъ разрѣшеніемъ. Понятія самовольности въ новомъ законѣ нѣтъ, но за то въ немъ переселеніе дѣлится на «безъ содѣйствія» и «съ содѣйствіемъ» причемъ не получившіе разрѣшенія на послѣднее, при ограниченности земельного фонда, рискуютъ вовсе не получить земли, и силою вещей дѣлаются пасынками переселенческаго вѣдомства болѣе, чѣмъ ранѣе «возвращавшіеся къ мѣсту приписки». Наконецъ, самыя основанія переселенія «съ содѣйствіемъ» по первому впечатлѣнію мало понятны. Какая связь между интересами колонизаціи и неблагопріятными условіями мѣсть выхода? Вѣдь было дознано, что колонизаціонные элементы должны быть сильными, способными противодѣйствовать особо труднымъ условіямъ водворенія на окраинахъ, но отнюдь не истощенными голодовками дома... Это—въ случаѣ совпаденія «неблагопріятности» съ колонизаціоннымъ началомъ; при самостоятельности же cadaго изъ этихъ условій означенное неудобство нѣсколько сглаживается, но особенно рѣзко зато выдвигается другой вопросъ: почему отсортировка либо наиболѣе нуждающихся, либо наиболѣе крѣпкихъ изъ подавшихъ заявленія о переселеніи—дѣло безконечно трудное по существу—предоставлено именно земскимъ начальникамъ, и безъ того переобременнымъ дѣлами. Не кроется-ли тутъ прежняя административная опека надъ переселеніемъ по давно признанной неблагонадежности этого «соціального» явленія?

Лучше всего отвѣтить на всѣ эти, и многіе другіе недоумѣнія и вопросы, могла, конечно, сама жизнь, и только она: нужно было, чтобы новый законъ нѣкоторое время подѣйствовалъ, а затѣмъ, чтобы голосъ испробовавшихъ на себѣ его силу переселенцевъ дошелъ до правительства въ нелицепрѣятной и гласной передачѣ.

Обстоятельства благопріятствовали осуществленію этой послѣдней возможности, и съ учрежденіемъ въ Россіи Государственной Думы уже явилась увѣренность, что черные дни переселенія миновали, и что во всякомъ случаѣ этому дѣлу будетъ отведено, наконецъ, достойное мѣсто, какъ равно достойную оцѣнку получать и всѣ правительственныя мѣропріятія.

Переселенческій вопросъ къ тому времени назрѣлъ